
Марина Иккес
РЕЗОНАНС
для курьерши
18+

Марина Иккес

Резонанс для курьерши

https://litres.ru/74725707
SelfPub; 2026

Аннотация

Быть эмпатом в многомиллионной Москве — значит жить с содранной кожей. Четыре года Аля глушила чужой эмоциональный фон километрами асфальта и тяжестью курьерского короба на плечах. Пока ночная спецдоставка не привела её к дверям Константина — телепата, который давно перестал верить людям и заперся в своём каменном бункере.

Один заказ без одной минуты полночь сбивает все настройки. Впервые за тридцать лет в его голове наступает тишина, а её измотанный организм объявляет забастовку при попытке вернуться к прежней жизни. Случайный резонанс связывает двух одиночек сильнее любых обещаний — но станет ли эта связь спасением или новой ловушкой?

Содержание

Глава 1. «Нет сети» 4
Глава 2. «Я здесь ненадолго» 11
Глава 3. «Короб как скафандр» 17
Глава 4. «Без скафандра» 23
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Марина Иккес
Резонанс для курьерши

Глава 1. «Нет сети»

Экран смартфона слепил в темноте подворотни ледяным прямоугольником: 23:51.

Ноги ниже колен уже не болели — они просто одеревенели, превратившись в два тяжёлых чугунных столба, на которые натянули промокшие насквозь кроссовки. Шагомер на руке давно перевалил за пятьдесят пять тысяч. Если бы в кроссовках оставались нервные окончания, каждый шаг по битому асфальту отдавался бы взрывом, но сейчас работала только тупая механика: толчок, замах, приземление. За спиной висел почти пустой термокороб, лямки которого за четыре дня въелись в ключицы так, будто под курткой не осталось кожи.

Четыре дня адского марафона. Восемьдесят заказов смена за сменой. Если закрыть этот — последний — до полуночи, приложение капнет на счёт несгораемый недельный бонус. Не просто деньги, а сумма, за которую можно было наконец купить нормальную мембранную куртку, три пары профессиональных трекинговых носков и неделю не выходить на улицу, питаясь горячим бульоном.

Нужно было просто нажать кнопку «Заказ вручён» до того, как системные часы перещёлкнут на 00:00.

23:54.

Аля влетела во двор старой сталинки с толстыми кирпичными стенами. Панель домофона встретила тусклой зелёной кнопкой. Палец в перчатке без пальцев вдавил номер квартиры.

Длинный гудок. Пауза. Ещё один. Секунды на экране таяли, словно снежинки на раскалённой батарее. Ну давай же, возьми трубку, господи, ты же ждёшь заказ, ты же не спишь!

Щелчок. Из динамика донеслось глухое, чуть тягучее:

— Да?

— Доставка! Откройте, пожалуйста! — голос сорвался на предательский сиплый фальцет.

Магнит на двери отлип с ленивым металлическим стоном. Алина толкнула тяжёлую парадную дверь, влетела в гулкий, пахнущий сыростью и старыми книгами подъезд и инстинктивно глянула на верхний угол экрана.

Индикатор сети дёрнулся, упал с четырёх делений до одного, а потом нагло и равнодушно сменился надписью: «Нет сети». Метровые стены сталинского дома заглушили сигнал намертво.

Лифт застрял на седьмом этаже. Ждать его — верная смерть. Она рванула пешком на третий. Ступеньки отдавали в виски гулкими ударами сердца. В боковом кармане короба мерно вздрагивал небольшой плотный пакет с наклейкой ла-

боратории и сургучной печатью — холодный, плотный, без единого лишнего запаха.

23:58. Звонок у двери 42-й квартиры отозвался мягкой переливчатой трелью. Из-за дубовой обшивки послышались размеренные, совершенно неторопливые шаги.

Дверь отворилась на третьем ударе сердца до полуночи. На пороге стоял мужчина в мягком домашнем кардигане цвета пепла — высокий, с бледным лицом и странно неподвижными серыми глазами. В полумраке прихожей пахло корицей и сухой бумагой.

— Здравствуйте, ваша доставка, — она выдохнула эти слова на одном остатке воздуха, выдёргивая крафтовый пакет из короба обеими руками. — Код не нужен, я сейчас закрою...

Пальцы лихорадочно ткнули в экран. Системный спиннер крутился в пустом интерфейсе, пытаясь достучаться до сервера через бетонную толщу перекрытий.

23:59:45.

Крутится.

23:59:58.

Крутится.

На глазах цифры дрогнули, сменившись на ровные, беспощадные 00:00. Экран на долю секунды мигнул, интерфейс моргнул серым, и внизу всплыла стандартная системная плашка: «Смена завершена. Цель не выполнена. До следующего бонуса: 7 дней».

Четыре дня бега. Километры луж. Кровь в кроссовках от стёртых мизинцев. Поздние вечера без сна на энергетиках. И всё это испарилось за тридцать секунд у закрытой двери.

В груди что-то мелко и жгуче оборвалось, словно лопнула натянутая до предела струна. Захотелось просто опуститься прямо здесь, на пыльный коврик, прислониться лбом к косяку и выть.

Но курьерский рефлекс сработал быстрее, чем мозг успел сорваться в истерику. Лицо на автопилоте натянуло фирменную, вежливую улыбку — широкую, ясную, отрепетированную сотнями домофонов.

— Вот ваш заказ. Приятного вам... вечера! Всего доброго!

Мужчина медленно принял пакет. Пальцы у него немного подрагивали.

— Спасибо, — тихо ответил он, не спуская с неё странного, изучающего взгляда.

Она развернулась к лестнице. В ту же миллисекунду, когда её спина оказалась перед клиентом, улыбка сползла с лица, словно содранная маска. Губы задрожали, брови слома-

лись, а плечи бессильно рухнули вниз под весом лямок, словно из неё разом выкачали всю жизнь. Глаза застлала мутная, злая пелена непролитых слёз.

Дверь за спиной закрывалась медленно. Через узкую щель клиент успел поймать этот перекошенный от беззвучного отчаяния профиль. Он не окликнул её. Замок щёлкнул тихо и сухо.

Она спустилась вниз, держась рукой за холодные перила, чтобы колени не подогнулись окончательно. Вытолкнула плечом дверь подъезда и вышла в ледяную осеннюю сырость. Воздух обжёг пылающие щёки.

Карман куртки коротко завибрировал. Телефон поймал уличную вышку.

Девушка достала аппарат, ожидая увидеть стандартную отбивку о закрытии смены, но на экране висело пуш-уведомление от приложения:

«Вам начислены безналичные чаевые: 15 000 #»

Она замерла посреди тротуара. Сумма бонуса за четыре дня составляла ровно четырнадцать с половиной тысяч. Под суммой в поле «Сообщение от клиента» светилась одна строчка:

«Простите, что долго искал тапочки. Не стоит так сильно плакать из-за этих железных часов. Вы заслужили отдых за эти четыре дня гораздо больше, чем думаете».

Девушка медленно подняла голову. На третьем этаже сталинки, сквозь плотные портьеры тёмного окна, едва заметно

колыхнулся край тяжёлой шторы. Она ни слова не сказала про четыре дня. Она даже вслух не выругалась.

Холодный ветер ударил в лицо, но внутри, за рёбрами, вдруг разлилась странная, пугающая и одновременно спасительная волна тепла.

Глава 2. «Я здесь ненадолго»

У каждого пешего курьера в шкафу висит одна и та же ложь, аккуратно наброшенная на вешалку поверх старой куртки. Называется: «Я здесь ненадолго».

Это самое живучее заклинание на свете. «Только на пару месяцев, пока не закрою кредитку». «Только до весны, пока ищу нормальный проект». «Просто перекантоваться, пока не раскрутится дело». А потом слякотный ноябрь сменяется ледяным февралём, лёд тает в пыльный май, асфальт плавится под подошвами в июле — и вот ты ловишь своё отражение в витрине кофейни и понимаешь, что носишь этот чёртов прямоугольный ящик на спине уже четвёртый год.

И самое парадоксальное — она ведь не была неудачницей, которой больше некуда податься.

За плечами у неё было столько ремёсел, что хватило бы на три разных резюме. Она умела собирать сайты на коленке, разбиралась в типографике и вёрстке, шила сложные вещи, писала тексты, рисовала эскизы и даже вела собственные микро-проекты. Но каждый раз, стоило запереть себя в душном офисе с лицемерными улыбками коллег или сутками выжигать глаза перед монитором ради правок от самодуров-заказчиков, внутри начинало тихо и мучительно тошнить. Воздуха не хватало физически. Стены давили. Рутина высасывала душу быстрее, чем самый голодный энергетиче-

ский вампир в утренней давке метро.

А улица... улица была честной.

Улице плевать на твой диплом, твою тонкую душевную организацию и то, сколько раз тебе разбили сердце. Здесь действовали простые законы механики: левая нога, правая нога, вдох, выдох. Ты один на один с городом. Ты никому не смотришь в рот. Если ты хорошо идёшь — ты получаешь деньги. И когда всё в жизни летело к чертям, когда рушились планы и заканчивались сбережения, она каждый раз вздыхала, доставала с антресолей разношенные кроссовки с анатомическими стельками и нажимала в смартфоне кнопку: «Выйти на слот».

Это была ловушка, превратившаяся в единственную форму свободы.

Впрочем, обычные заказы из фастфуда и сетевых супермаркетов закончились для неё ещё на второй год. В мире, где среди обычных людей рождались те, чья нервная система работала на других частотах, городская логистика неизбежно должна была подстроиться.

Эти люди ничем не выделялись в толпе — у них не было ни клыков, ни свечения вокруг головы. Просто одни сходили с ума от радиоэфира чужих мыслей, другие впадали в кому от прикосновения к чужой коже без защитных перчаток, а третьи — те самые природные энерговампиры — в периоды обострений запирались дома на семь замков, чтобы случайно не выпить досуха соседей по лестничной клетке.

Выйти в город в момент криза для любого из них означало верную гибель или срыв. Им требовались специфические препараты из закрытых лабораторий, экранирующие приборы и синтетические стимуляторы.

Обычным курьерам такие посылки доверять было нельзя — слишком много лишних вопросов. Поэтому внутри сервиса доставки существовал закрытый сегмент — так называемый «Спецконтур» — неофициальный внутренний грейд в курьерском приложении.

Туда не брали качков или вооружённых наёмников: верзилы привлекали слишком много ненужного внимания соседей. Туда отбирали тех редких курьеров, у которых напрочь отсутствовал зуд любопытства и склонность к истерикам.

Аля попала в Спецконтур случайно. В свой первый месяц на обычной доставке она принесла срочный заказ из рецептурного отдела закрытой клиники по адресу на окраине Чертаново. Дверь открыл мужчина с пепельно-серым от изнеможения лицом, в плотных звукоизолирующих наушниках и

тёмных очках. От него волнами шло такое тяжёлое, ледяное поле энергетического голода, что у любого обычного курьера подкосились бы ноги от беспричинного животного ужаса. Другая бы с визгом выронила коробку и бросилась к лестнице. Аля лишь молча удержала равновесие, аккуратно вложила холодный лабораторный кофр прямо в его дрожащие руки, стараясь не коснуться пальцев, и деловито спросила:

— Вам код подтверждения на телефон пришёл? Продиктуйте, пожалуйста.

В ту же ночь её рейтинг в системе скакнул на скрытый уровень доступа, а в списке доступных слотов появились заказы с двойным тарифом и странными пометками: «Вручать без зрительного контакта. При передаче не касаться кожи клиента».

Она не была супергероиней. У неё болели плечи, ломило поясницу, когда короб переваливал за восемь килограммов, а к вечеру гудели колени. Единственное, что у неё было — это феноменальное упрямство и знание города, вбитое в подошвы тысячами пройденных километров.

Она знала, через какую дыру в заборе можно срезать путь мимо собачьего питомника; в какой арке никогда не дует ледяной сквозняк; к какой калитке не нужен код в закрытом дворе на Чертановской и на каком перекрёстке светофор горит зелёным целых девяносто секунд, давая перевести дух.

Город был гигантским живым организмом, а она была его незаметным эритроцитом — переносила жизнь по венам

проспектов и капиллярам переулков, спасая хрупкий баланс между теми, кто боится темноты, и теми, кто в ней живёт.

Глава 3. «Короб как скафандр»

Самая тяжёлая часть смены всегда начиналась не на двадцатом километре и не на пятом этаже дома без лифта. Она начиналась дома, в узкой прихожей перед зеркалом.

Каждый раз, глядя в зеркало на себя и на стоящий в углу короб, приходилось буквально брать себя за шиворот. Из отражения на неё смотрела тоненькая, хрупкая девушка с мягкими светлыми волосами, которые вечно выбивались из-под шапки, тонкими запястьями и нежной кожей — в свои двадцать восемь она выглядела от силы на двадцать лет, совсем как студентка младших курсов. Только взгляд больших, глубоких глаз был слишком взрослым и пронзительным — таким, что она сама привыкла прятать его под ресницами, избегая долгих встреч глазами. И рядом с её невысокой, изящной фигуркой этот рабочий короб казался особенно чудовищным. Огромный, квадратный, нелепый — если вынуть внутренние перегородки, она сама могла бы свернуться в нём калачиком, как кошка в обувной коробке. Надеть его на плечи означало добровольно нацепить на себя ярлык: «Посмотрите, у меня в жизни что-то пошло не так».

Умом она тысячу раз проговаривала себе: любая работа честная, ты ни у кого не просишь, ты зарабатываешь своим трудом. И ведь никто ни разу не бросил ей в спину грубого слова. Но взгляды... Взгляды прохожих у метро, соседей

по лестничной клетке или нарядных ровесниц на эскалаторе били точнее любых слов. В них читалась смесь жалости и недоумения: «Господи, такая маленькая, хрупкая девочка — и тащит на себе этот гроб. До чего же жизнь довела?»

Первые пятнадцать минут от двери квартиры до стартовой зоны она шла, вжав голову в плечи и глядя строго под ноги.

Но стоило выйти в родное Чертаново, вдохнуть влажный воздух, тянущийся от Битцевского леса мимо бесконечных серых панелек, и нажать на экране заветную кнопку «Выйти на слот» — происходила магия.

Щёлк. Мир с чужими оценками выключался.

Исчезала неловкость, исчезали прохожие, растворялся стыд. Оставалась только геометрия маршрута. Точка «А» — забрать заказ, иногда просидев на жёстком стуле в слепой зоне даркстора битый час, пока сборщики путают накладные. Точка «Б» — просочиться сквозь дворы на Чертановской или Сумском проезде, срезать через знакомую дыру в ограждении школы, взлететь по ступенькам. Передача. Принятие следующего заказа. И снова по кругу.

Чертаново она знала лучше собственной ладони. В закрытых заметках смартфона, под паролем, хранился её личный золотой фонд — сотни кодов от домофонов со всех окрестных кварталов. Она никогда не сливала их в общие курьерские чаты: безопасность клиентов — особенно таких клиентов — стоила дороже цеховой солидарности. Её давно знали

в лицо и угрюмые администраторы ночных точек выдачи, и постоянные заказчики. Часто пакеты ей протягивали вообще без сверки четырёхзначного кода: «Бери, малая, беги, знаем, что не перепутаешь».

Но была и ещё одна причина, по которой она раз за разом сбегала из уютных офисов, мастерских и творческих коллективов обратно под дождь и ветер.

Люди фонили.

С детства она не просто угадывала чужое настроение — она проваливалась в него с головой, как в полынью. Посидеть восемь часов в одном кабинете с коллегой, у которой рушится брак, значило к вечеру приползти домой с чужой мигренью и ощущением безысходности. Но хуже эмпатии были вспышки. Стоило слишком долго находиться рядом с человеком или случайно коснуться его руки, как перед глазами — или ночью в тяжёлом, вязком сне — разворачивались чужие декорации. Она видела обрывки их будущего: скорую помощь у подъезда через полгода, предательство партнёра, внезапный отъезд. Она не умела этим управлять, не знала, как поставить заслонку, и в любом коллективе просто задыхалась от чужих судеб.

А на доставке контакт длился ровно десять секунд. «Здравствуйте — ваш пакет — хорошего вечера». Никаких рукопожатий, никаких откровенных разговоров у кулера. Дверь захлопнулась — и ты снова наедине с ветром и асфальтом. Короб за спиной был не проклятием. Он был её

скафандром.

На следующее утро после полуночного марафона она проснулась почти в обед. Ноги гудели так, словно в вены залили горячий свинец, но на душе было непривычно тихо.

Заварив огромную кружку чая, она открыла свой крошечный блог. Она вела его скорее как дневник — для пары сотен случайных подписчиков, которым нравились её живые, ироничные заметки об изнанке курьерских будней. Никаких имён, адресов или намёков на «Спецконтур».

Она выложила фото своих стоптанных кроссовок у порога и написала короткий пост: о том, как четыре дня убивалась ради бонуса, как на последних секундах в старом доме с толстыми стенами предательски упала сеть и как незнакомый человек одной кнопкой чаевых спас её от нервного срыва и вернул веру в людей.

Через двадцать минут телефон тихо тренькнул. Новый комментарий от аккаунта без аватарки, с коротким именем К.:

«Связь в нашем доме действительно отвратительная. Стены сорок восьмого года постройки глушат всё на свете. На-

деюсь, вы сегодня наконец отдыхаете и никуда не бежите».

Чашка замерла на полпути ко рту. Внутри всё похолодело. Он. Это точно был он. Но как он нашёл её блог в миллионной Москве без единой геолокации в посте?!

Руки сами собой открыли личные сообщения с этим профилем. Ей стало ужасно неловко — профессиональная этика курьера Спецконтура запрещала обсуждать заказы в сети, даже завуалированно. «Здравствуйте... Простите меня, пожалуйста! Я ни в коем случае не хотела нарушать вашу приватность, я не указывала ни улицу, ни детали, я сейчас же удалю пост!» — лихорадочно напечатала она.

Ответ пришёл почти мгновенно. Словно он сидел и ждал её реакции: «Даже не вздумайте удалять. Вы так искренне пишете, что я только рад стать поводом для вашего контента и лишней улыбки. Честно говоря, мне самому вчера было не по себе, что из-за моей медлительности вы так расстроились. Если вы не против сменить курьерскую куртку на обычную и выпить со мной кофе без таймера в руках — я бы с удовольствием угостил вас лично. Обещаю выбрать место, где отлично ловит сеть».

Глава 4. «Без скафандра»

Идти по улице без короба за спиной оказалось физически странно — будто её внезапно лишили гравитации и выпустили в открытый космос без скафандра.

Плечи по привычке подавались чуть вперёд, ожидая привычного противовеса в восемь-десять килограммов, и без него походка казалась самой себе какой-то слишком лёгкой, почти невесомой. Маленькая сумочка через плечо ощущалась насмешкой. Руки не знали, куда себя деть: обычно пальцы либо придерживали лямки на груди, либо сжимали смартфон с открытым навигатором.

Но хуже всего была внезапная видимость. В курьерской экипировке ты для города — функция, человек-невидимка, яркое пятно на периферии зрения. А сейчас, в обычном мягком свитере и распахнутом пальто, встречные люди смотрели прямо на неё. И вместе с этими взглядами в неё беспрепятственно вливался чужой эмоциональный шум: глухое раздражение мужчины у автобусной остановки, липкая тревога студентки, лихорадочно листающей конспекты на ходу, вязкая усталость кассирши за стеклом пекарни. Без ритма бега и тяжести груза защитная корка моментально истончилась.

Кафе он выбрал небольшое, в тихом проулке недалеко от того самого сталинского дома. Толкнув тяжёлую стеклянную

дверь, она по въевшемуся в подкорку рефлексу сразу же начала искать глазами стойку с табличкой «Выдача курьерам» и отдельный вход на кухню, где обычно пахло пережаренным маслом и стоял пластиковый стул для ожидания. Потребовалось три секунды, чтобы одёрнуть себя: стоп, ты сегодня не на смене. Тебе можно просто пройти в зал и сесть за столик.

Он уже был там. Сидел в самом дальнем углу — спиной к глухой стене, подальше от шумной компании у окна. На нём была простая тёмная водолазка, а на левом запястье тускло поблёскивал широкий матовый браслет из серого металла, похожего на графит. При свете тёплых ламп Аля впервые смогла разглядеть его как следует — и невольно замерла на долю секунды. Вчера в темноте прихожей он показался ей пугающей тенью, а сейчас перед ней сидел редкой, породистой красоты мужчина. Ему было около тридцати пяти, но благодаря гладкой, чистой коже и отсутствию уличной суеты выглядел он намного моложе. Густые тёмные волосы с лёгкой небрежностью падали на лоб, резкие, чётко очерченные скулы и волевой подбородок придавали лицу почти скульптурную строгость, а из-под густых тёмных бровей смотрели пронзительные, светло-серые, почти стальные глаза. В его спокойной позе и развороте широких плеч чувствовалась такая плотная, сдержанная мужская сила, что взгляд сам собой цеплялся за него.

Заметив её, он сразу поднялся.

— Рад, что вы пришли, — произнёс он негромко, и в его

голосе не было ни капли снисходительности человека, который вчера пожалел бедную курьершу. — Меня зовут Константин.

— Аля, — коротко представилась она, присаживаясь на край стула. Пальцы непроизвольно сцепились в замок на коленях. — Мне всё ещё ужасно неловко за те деньги и за утренний пост. Я правда не ждала чаевые. Просто эти четыре дня… они какие-то бесконечные вышли. А тут ещё эта связь в вашем подъезде, — призналась она, глядя на пустую деревянную столешницу.

— В нашем доме стены сорок восьмого года постройки, они глушат всё на свете, — мягко улыбнулся Константин. — Честно говоря, я потому эту квартиру и выбрал. Тишина редкая. А насчёт денег даже не думайте извиняться. Вы прошли за вчерашние сутки столько, сколько я не прохожу за месяц. Я бы на двадцатом километре просто лёг на газон и отказался жить дальше. Так что считайте это компенсацией за моральный ущерб от моего домофона.

Она невольно улыбнулась, и скованность первых минут начала понемногу отпускать.

К их столику подошёл молодой официант с меню и двумя стаканами воды. На лице парня сияла широкая, дежурно-бодрая улыбка:

— Добрый день! Рады видеть вас, сейчас приму заказ…

Она подняла на официанта взгляд — и её собственная улыбка мгновенно погасла. Парень улыбался одними губа-

ми, а внутри у него всё буквально звенело от натяжения, как перетянутая гитарная струна. От него волнами шла такая густая, липкая паника и отчаянная горечь, что у неё у самой неприятно сжалось под ложечкой. Руки официанта, когда он ставил воду на стол, едва заметно дрожали.

«Господи, да на нём же лица нет под этой маской, — пронеслось у неё в голове с привычным уколом сочувствия, пока она смотрела на его напряжённую спину. — Словно у него дома кто-то заболел или случилось что-то необратимое, а ему нужно стоять здесь, улыбаться незнакомым людям и разносить кофе. Как же ему сейчас, наверное, страшно и тошно…»

Официант записал два капучино и торопливо отошёл к барной стойке. Она тяжело вздохнула, потёрла висок, пытаясь стряхнуть с себя чужую прилипшую тревогу, и перевела взгляд обратно на Константина.

Тот не смотрел в меню. Он сидел, чуть подавшись вперёд, и смотрел прямо на неё с каким-то странным, тихим изумлением.

— Что? — смутилась она. — У меня что-то на лице?

— Нет, — медленно ответил Константин. — Просто… я сейчас сидел и слушал, как этот парень в мыслях раз за разом прокручивает утренний скандал с девушкой, которая собирает вещи и уходит от него прямо в эту минуту. Он боится, что вернётся после смены в пустую квартиру, и от ужаса едва

удерживает поднос в руках.

Она моргнула, не сразу уловив смысл фразы:

— Откуда вы знаете про девушку и пустую квартиру? Он ваш знакомый?

— Я вижу его впервые в жизни, — тихо сказал Константин, понизив голос так, чтобы его было слышно только за их столиком. — Я просто слышу, о чём он думает. Но удивило меня не это. К чужому шуму я привык. Удивило меня то, что ровно в ту же секунду я услышал ваши мысли. И вы, не зная ни единого факта о нём, почувствовали его страх и горечь с такой точностью, будто это происходит с вами.

В кафе уютно гудела кофемашина, звякали чашки, а ей вдруг показалось, что воздух вокруг стал удивительно прозрачным.

— Вы… слышите мысли? — шёпотом переспросила она, и перед глазами тут же всплыл вчерашний плотный пакет с лабораторной пломбой. — Значит, вчера вечером у двери…

— Да, — он виновато усмехнулся. — У меня как раз закончилось действие препаратов, которые вы мне принесли. Они приглушают этот бесконечный радиоэфир в голове, дают передышку. Пить их каждый день нельзя — сердце не выдержит, поэтому я и сижу безвылазно дома на удаленке, пишу код за метровыми кирпичными стенами. Вчера к полуночи я был совсем без защиты. А когда вы улыбнулись мне на пороге и пожелали приятного вечера, внутри у вас так громко и отчаянно плакали об упущенном бонусе, что меня едва

не оглушило.

Она закрыла лицо ладонями, чувствуя, как начинают гореть уши.

— Какой позор… Я же там, наверное, такими словами этот домофон крыла…

— Вы даже мысленно ни разу не выругались на меня, — с неожиданной теплотой произнёс он. — Только на связь и на собственные ноги. Я потому вас и нашёл сегодня. Мне давно не встречались люди, у которых внутри столько света — и при этом совершенно нет никакой брони.

Она опустила руки на стол, глядя на него уже без страха, с каким-то жадным, осторожным любопытством человека, который всю жизнь считал себя бракованным, а теперь встретил кого-то одной с собой породы.

— Я не слышу мыслей, — тихо призналась она. — Я просто… чувствую, что у людей внутри. С самого детства. Захожу в вагон метро или в офис, и чужие эмоции облепляют меня, как мокрая грязная вата. А если долго нахожусь рядом с человеком, рассматриваю его фото или просто начинаю о нём думать — меня будто затягивает в его жизнь. Начинают сниться сны про него, которые потом сбываются, или перед глазами вдруг вспыхивают какие-то куски его будущего… Я пыталась работать в нормальных местах, правда пыталась. Но в коллективе через месяц хочется просто лезть на стену от чужих бед.

— И поэтому вы надели короб и ушли на улицу, — не

спросил, а утвердительно кивнул Константин. В его серых глазах было столько понимания, что у неё защипало в носу. — Пока бежишь по маршруту, люди мелькают слишком быстро, ты не успеваешь на них настроиться. А дикая физическая усталость к ночи просто вырубает мозг без всяких снов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.